

Отзыв официального оппонента Т.Г.Морщаковой на диссертацию

Тимура Викторовича Соколова, представленную

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

по теме:

«ФОРМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

КОНСТИТУЦИОННОГО И УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВ

В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ СУДЕБНОГО ПРАВА»

(специальность - 12.00.02 - конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право. 12.00.09 - уголовный процесс)

Представленная Т.В. Соколовым работа является солидным научным исследованием в области как конституционного, так и уголовно-процессуального права. Автор справедливо обосновывает актуальность темы диссертационной работы «объективно существующим запросом на реализацию требований Конституции Российской Федерации во всех сферах общественной жизни» - в качестве необходимой основы социального консенсуса и правового развития. До сих пор еще не завершившийся процесс наполнения правового регулирования во всех отраслях права соответствующим Конституции РФ содержанием обуславливает интерес

правовой науки и практики к изучению состояния конституционализации законодательства и обеспечивающим его механизмам. В их числе – по букве и духу конституционного текста - пожалуй, главная роль принадлежит осуществляемой посредством правосудия судебной власти.

Посвятив свое диссертационное исследование одному из значительных сегментов данной темы, автор представленной работы предлагает самостоятельный, без преувеличения, новаторский анализ форм взаимодействия и взаимовлияния конституционного и уголовного судопроизводства, суть которого в том, чтобы выявить двунаправленность вектора развития этих видов судопроизводства, приводящего к освобождению уголовно-процессуального закона и практики его применения от неконституционного содержания, и выявляющего конкретные смыслы конституционного регулирования механизмов судебной власти. Новизна авторского подхода к разработке данной темы прослеживается во многих параметрах исследования. Формы и содержание взаимосвязи названных видов судопроизводства, развивающихся в них публичных правоотношений и деятельности, прав и обязанностей участвующих в них субъектов, а также правовые последствия взаимовлияния двух анализируемых автором видов судебного процесса рассмотрены на основе ранее не предлагавшихся подходов. Это касается и предмета исследования, и его методологических основ, и использованных методов самостоятельного социологического и статистического наблюдения, и привлечения автором в целях исследования положений таких наук как теория и история права, теория систем, теория юридического процесса, теория процессуального права, социология, сравнительное правоведение.

Методологическую особенность работы составляет, безусловно, заслуживающее поддержки обращение диссертанта к доктрине судебного права - как общеправовой теории судебной власти и процессуального права. Значение этой доктрины выводится автором из конституционного статуса судебной власти, общих требований к субъектам и формам ее осуществления, процессуальным принципам, характеризующим способы ее реализации и, наконец, из регламентации на уровне конституционного права общих требований к видам судопроизводства. Автор анализирует черты современного правового развития, расширяющие нормативные и доктринальные условия эффективного научного и практического

использования феномена судебного права для изучения и совершенствования законодательства. Показано, что доктрина судебного права отражает объективную взаимосвязь всех структурных элементов судебной системы и исключительного по своему существу судебного процесса, т.е. судопроизводства, осуществляемого только в формах справедливого правосудия. При этом на основе междисциплинарной доктрины судебного права автором выводится как объективная необходимость взаимодействия разных видов судопроизводства, так и его обусловленность конституционными положениями о единстве и полноте судебной власти.

В работе предложен ряд новых идей относительно процессуальной природы конституционного судопроизводства как конституционного института и особого механизма осуществления судебной власти и правосудия, его стадийного построения, сущности и разновидностей правовых позиций Конституционного Суда, а также необходимых изменений порядка их реализации в судопроизводстве по уголовным делам. Исходя из анализа взаимосвязи конституционного и уголовного судопроизводства обозначены обеспечивающие большую эффективность их взаимодействия в осуществлении правозащитной функции пути совершенствования уголовно-процессуального регулирования: необходимая конкретизация источников уголовно-процессуального права, коррекция процессуальных институтов приостановления судебного разбирательства и возобновления - по итогам судебного конституционного нормоконтроля - производства по уголовному делу в связи с новыми правовыми обстоятельствами.

Определенную энциклопедичность подходов автора демонстрируют обширнейшая использованная им литература, далеко не только по правовой тематике, и представленные им в работе подробнейшим образом научные дискуссии, в том числе о понятии судебного права как отрасли науки и законодательства, сущностных различиях юридических процедур, исключающих распространение на них понятия процесса как синонима судопроизводства, необходимых элементах механизма реализации судебной власти, процессуальном характере конституционного правосудия, юридической природе решений и правовых позиций Конституционного Суда как источников права. Обстоятельный анализ развития научных идей,

начиная с дореволюционных правовых воззрений, обуславливает и определенное науковедческое значение диссертационного исследования.

Работа вводит в научный оборот новые, интересные, собранные самим автором на основе изучения разных судебных практик и дел фактические и статистические данные, отражающие наблюдения (почти за двадцатилетний период) за результатами осуществления конституционного судебного нормоконтроля, объемом этой деятельности в сфере корректировки уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, эффективностью и исполняемостью актов конституционного правосудия, реальными сроками реагирования судов на обязательные для них решения Конституционного Суда РФ о неконституционности или конституционном истолковании норм, применяемых в сфере уголовной юстиции, за распространенностью отдельных судебных процедур и видов решений Конституционного Суда РФ и т.д.

На фоне изложенных общих характеристик работы необходимо проанализировать также ее отдельные положения, заслуживающие внимание и одобрение, вызывающие замечания или носящие дискуссионный характер.

Исходя из правильной посылки о том, что взаимосвязь видов судопроизводства возникает в силу единства судебной власти, назначением которой является обеспечение прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции), в случаях, когда для защиты права конкретного лица недостаточно средств внутри судопроизводства одного вида, т.е. признавая тем самым дополняющие друг друга разные возможности защиты в разных видах судопроизводства, автор на с. 38 работы, очевидно, не точно формулирует тезис о том, что «установление в различных видах судопроизводства различных механизмов реализации одних и тех же конституционных прав противоречило бы» конституционному принципу равенства. Ясно, что конституционное право на защиту достоинства личности или права собственности в уголовном и гражданском судопроизводстве обеспечиваются именно с помощью разных механизмов. Далее автор более точен и утверждает, что «конституционное и уголовное судопроизводства, будучи механизмами реализации судебной власти в различных сферах правоотношений, реализуют её конституционное назначение (статья 18 Конституции) различными способами».

Рассматривая судопроизводство как механизм реализации судебной власти и обоснованно защищая тезис о том, что конституционное судопроизводство, как и другие его виды, также является таким механизмом, автор отстаивает эту позицию не только с помощью утверждения, что Конституционный Суд отвечает автономному понятию суда в смысле ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека, но и доказывает, что КС вправе – как и другие суды – решать в отдельных случаях вопросы и права, и факта, а также что по отношению к конституционному правосудию не обязательно требование контроля правосудности его решений в еще одной инстанции (с. 67-73). При всей похвальности такой защиты Конституционного Суда эти аргументы представляются излишними: во-первых, европейские стандарты тоже признают необязательность второй инстанции для решений по уголовным делам, выносимых высшими судами в качестве первой инстанции, а во-вторых, суды кассационной и надзорной инстанций не рассматривают вопросы факта, но это не дисквалифицирует их как органы, осуществляющие судопроизводство. Решение же о том, могут ли такие суды признаваться эффективным механизмом судебной защиты, зависит лишь от того, имеет ли гражданин реальную возможность инициировать своим обращением рассмотрение дела в суде или суд действует, исходя из целесообразности этого рассмотрения. Усмотрение суда по этому поводу лишает его процедуры качества эффективного средства правовой защиты.

На с. 89 и след. рассматривается вопрос о назначении, целях и задачах процесса как элементах, определяющих его сущность. Автор верно утверждает, что назначение судопроизводства как способа осуществления судебной власти состоит в защите прав и свобод и что дифференциация его видов основана на применяемых нормах материального права. Каким образом в законах употреблены рассматриваемые понятия, могут ли они использоваться в качестве синонимов, хотя автор против этого возражает, это скорее задача юридической техники, представляющая филологический интерес. (При этом на с. 102 работы автор и сам пишет, что *цель* является объективным критерием, позволяющим из внешней среды выделить элементы одной системы и что «такой целью применительно к судопроизводству является *его назначение*», т.е. в рассуждениях, основанных на теории систем, использует эти термины как синонимы.) Назначение конституционного судопроизводства диссертант видит в защите Конституционным Судом прав и свобод человека и гражданина от

нарушений, обусловленных нормативными предписаниями - путем обеспечения конституционности нормативного регулирования на основе применения норм конституционного права. Назначение уголовного процесса – «в защите личности от преступных посягательств и в справедливом наказании лиц, виновных в совершении преступлений, и в устранении последствий преступления (в тех случаях, когда это возможно)». Но это существенно обедняет уголовный процесс как способ правовой защиты, потому что даже УПК называет второй задачей уголовного процесса защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод (правда, в работе оговаривается, что справедливое наказание предполагает справедливость процессуальной формы). Цель же процесса определяется автором как достижение объективной истины при установлении фактических обстоятельств и их правильная квалификация, а применительно к конституционному судопроизводству это называется фактической истиной или установлением содержания источников права. Однако конституционные требования к уголовному судопроизводству, так же, как позиции КС по этим вопросам, действующий УПК и современная уголовно-процессуальная наука отражают иные принципиальные подходы, отличающиеся от утверждений об объективной истине как цели процесса: они исходят из презумпции невиновности, из правил о толковании сомнения в пользу обвиняемого и недопустимости доказательств, полученных незаконным путем, т.е. из необходимости принимать решение по делу в условиях невозможности подтверждения фактических обстоятельств, но в соответствии с юридическими правилами доказывания не воспроизводимых в опыте событий прошлого.

Формулируя понятие взаимосвязи между видами судопроизводства, ее основания и последствия, позволяющие дифференцировать ее формы, автор на с.с. 123, 125 утверждает, что взаимосвязь между гражданским, административным и уголовным судопроизводством лежит исключительно в плоскости фактических обстоятельств дела и должна приводить к принятию непротиворечивых с точки зрения обоснованности решений. В то время, как взаимосвязь конституционного судопроизводства с отраслевыми их видами характеризуется обеспечением согласованности в результатах решений на нормативном уровне регулирования. Однако и другие виды судопроизводства взаимодействуют в формах, обеспечивающих

согласованность применяемого ими права. Так, отмена в административном судопроизводстве акта, на котором было основано решение по гражданскому делу, также приводит к возобновлению гражданского дела (это особенно наглядно в связи с разработкой кодекса административного судопроизводства); разные отраслевые виды судопроизводства используют межотраслевую процессуальную аналогию; в судопроизводстве, обеспечивающем привлечение к публичной административной и уголовной ответственности, действует запрет двойного наказания за одно и то же, что приводит к коррекции не только судебных решений о наказании, но и применяемых при этом нормативных предписаний или их официального толкования. Поэтому представляется возможным уточнение содержательных критериев взаимосвязи отраслевых видов судопроизводства с конституционным, как и критериев их взаимосвязи между собой.

Формулируя новое понятие *«форма взаимосвязи видов судопроизводства»*, автор выделяет в качестве ее основных элементов вектор влияния, основание и последствия (содержание) взаимосвязи. *Основание взаимосвязи*, по общему его определению (с.128), представляют собой «нормы права, судебные решения или юридические факты, принадлежащие одной отрасли права, побуждающие межпроцессуальную связь». Однако ранее основанием взаимосвязи (на с.с. 115-117) признается полнота и единство судебной власти и невозможность защиты права в рамках одного вида судопроизводства, на с.138 - как основание формы взаимосвязи, инициирующей конституционное судопроизводство, автор рассматривает обращение суда с запросом в КС, а на с.с. 140, 178 – полномочия Конституционного Суда по конкретному нормоконтролю, предусмотренные ч. 4 ст. 125 КРФ. Возможно, это является результатом редакционных погрешностей, но требует либо пояснения, либо уточнения.

Автор обоснованно уделяет большое внимание жалобе гражданина - как поводу для возбуждения конституционного судопроизводства в связи с нарушением конституционных прав и свобод положениями закона, примененными в конкретном уголовном деле. Анализируя развитие данного института, автор приводит ряд теоретических обоснований ограничения (согласно ФКЗ от 3 ноября 2010 г.) права гражданина на жалобу лишь случаями, когда затрагивающий конституционные права и свободы закон

уже применен в деле заявителя, рассмотрение которого судом завершено. Как утверждает диссертант, отказ в возможности обжаловать в КС закон, подлежащий применению в конкретном деле, до завершения его рассмотрения судом общей юрисдикции соответствует субсидиарному месту конституционного судопроизводства по отношению к отраслевым его видам. Однако это не представляется достаточно обоснованным. Во-первых, КС проверяет только конституционность закона, и в этом смысле субсидиарность конституционного судебного нормоконтроля по отношению к другим судам, устанавливающим факты, также обеспечивалась при прежних возможностях проверять и конституционность закона, подлежащего применению. Во-вторых, вся, в том числе приводимая в диссертации, судебная практика демонстрирует, что при рассмотрении дел суды не реализуют свои полномочия по выявлению несоответствия применяемых норм конституционным, следовательно, проверка в КС конституционности закона реально не являлась вызывающим опасения диссертанта принятием функций, которые осуществляют другие суды. В-третьих, осуществление по жалобе гражданина судебного конституционного контроля на более ранних стадиях уголовного процесса, как показывают и приводимые в диссертации примеры, оказывается более эффективным и позволяет избежать напрасных затрат на судебное рассмотрение дел, подлежащих из-за неконституционности норм прекращению в любой стадии производства по делу. В-четвертых, несостоятельно теоретическое оправдание диссертантом исключения из предмета проверки в КС по жалобе гражданина подлежащего применению закона ссылкой на то, что конституционность нормы должна проверяться с учетом смысла, придаваемого ей правоприменительной практикой (с. 150), и поэтому суд должен сначала истолковать норму в деле потенциального заявителя: как правило, оспариваются нормы, многократно применявшиеся и в других делах. В-пятых, указание в новой редакции ФКЗ о КС на то, что жалоба гражданина допустима, если затрагивающий его права закон применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, страдает неопределенностью в определении момента завершения судом производства по делу. Это позволило КС истолковать данную норму, ограничившую допустимость конституционной жалобы, расширительно, требуя завершения по делу не только его рассмотрения в суде первой инстанции, но и в апелляционном порядке. Такой подход нелогичен, поскольку обе названные инстанции проверяют правильность установления

фактов, что не является предметом анализа в Конституционном Суде, а правильность применения закона и далее может быть проверена в общих судах кассационной и надзорной инстанций, и поэтому все равно не исключается параллельное обращение с жалобой по делу в конституционном и в уголовном судопроизводстве. Но главное - такое определение Конституционным Судом момента завершения рассмотрения дела нарушает конституционное требование введения ограничений конституционных прав только по федеральному закону, и перечеркивается также ранее сформулированная позиция самого КС о том, что ограничения прав не могут толковаться расширительно. Наконец, в-шестых, теоретическое оправдание автором изложенных изменений не согласуется также с его собственной позицией о возможном восстановлении прежних альтернативных критериев допустимости конституционной жалобы в отношении не только примененного, но и подлежащего применению закона (с.184, 274).

Вызывает также возражения позиция диссертанта по поводу того, что в силу назначения конституционного судопроизводства обеспечивать защиту прав и свобод только от нарушений, обусловленных нормативным регулированием, но не судебными решениями, в России не могут быть реализованы: а) *«полная конституционная жалоба»*, предполагающая оспаривание неконституционности и норм, и судебных решений, а также б) полномочия КС по отмене, в т.ч. по уголовным делам, судебных актов, основанных на неконституционных нормах. Это, по мнению автора, привело бы к изменению Конституции, ряду сложных организационных проблем и *«не является оправданным и целесообразным с позиций доктрины судебного права, отстаивающей дифференциацию судопроизводств, признанную на конституционном уровне как одно из базовых (аксиоматичных) положений этой доктрины»* (с.156-160). Дело не в том, что следует непременно настаивать на таких новеллах, но приведенные аргументы не убеждают. Поправки в Главу 7 Конституции возможны, хотя последние такого рода изменения обосновано рассматриваются автором критически. Отмена же самим КС судебных решений, как основанных на неконституционной норме, может быть логичным продолжением конституционного нормоконтроля. Не противоречит это и дифференциации видов судопроизводства, поскольку дело возвращается для рассмотрения по существу в обычную отраслевую юрисдикцию. Решается также трудный, как

показывает диссертационное исследование, вопрос исполнения решений КС; при этом эффективно реализуется имеющееся у него полномочие по определению порядка исполнения собственных решений. КС не становится, как опасается автор, национальной инстанцией, подлежащей исчерпанию перед наднациональной, рассматривающей жалобы на нарушение конвенциональных прав, т.к. КС не исследует конституционность ни действий, ни решений правоприменителей - КС и при предоставлении ему полномочий по отмене судебных актов, по-прежнему мог бы проверять только нормы. Наделение же его, как предлагает диссертант, паллиативным полномочием в случаях, когда уже исчерпаны все судебные процедуры исправления судебных актов, информировать прокуратуру о нарушениях закона в судопроизводстве по уголовным делам (для реагирования в надзорном порядке - с.161) не является эффективным правозащитным инструментом, не может завершиться повторением надзорного производства по делу и не соответствует иерархии статусов суда и прокуратуры.

Автор правильно рассматривает обращение суда в уголовном судопроизводстве с запросом о проверке конституционности закона, подлежащего применению судом по конкретному делу, как обязанность суда - в тех случаях, когда сам суд приходит к выводу о неконституционности данного закона (с. 165 и след.). При этом справедливо утверждается, что суд не может рассмотреть конкретное дело, основываясь на неконституционной, по его убеждению, норме и должен приостановить производство.

Однако это рассуждение не может быть признано универсальным, так как оно не учитывает те случаи, когда, направив запрос в КС, суд может все же реализовать свое конституционное полномочие, предусмотренное ст. 120 Конституции РФ, и разрешить дело на основе непосредственного применения конституционной нормы. Редкость такой практики не исключает ее существенного значения и для правосудного разрешения конкретного дела, и для стимулирования судов к самостоятельной проверке по каждому делу соответствия применяемого права акту более высокого уровня. Такой вариант признан Конституционным Судом в анализируемом диссертантом Постановлении КС от 16 июня 1998 года как вытекающий из ст. ст. 120, 125, 126 Конституции РФ при том условии, что запрос суда по поводу неконституционности нормы признается обязательным, так как отказ от ее применения в конкретном деле (как выражение независимости суда), с

одной стороны, не лишает ее юридической силы, а с другой, не снимает с судов обязанность использовать свои полномочия, чтобы инициировать устранение такой нормы из правовой системы и следовать Конституции как акту непосредственного действия. (В свое время красочным примером такого рода явилось решение суда об отказе от привлечения лица к уголовной ответственности за уклонение от воинской службы по мотивам, связанным с вероисповеданием, что – в отсутствие закона об альтернативной службе - было обосновано судом именно конституционной нормой.) В этой связи нелогично также требовать приостановления производства по уголовному делу в связи с запросом суда о проверке конституционности нормы, если дело может быть решено на основе непосредственного применения Конституции РФ.

Нельзя согласиться и с предложением автора о том, что при определении разумных сроков уголовного судопроизводства в целях присуждения соответствующей компенсации за их нарушение, период, на который было приостановлено производство по уголовному делу в связи с обращением суда в КС (в отличие от приостановления в связи с конституционной жалобой гражданина) «недопустимо» (с.187) исключать из общей продолжительности разбирательства. Тем самым запрос суда оценивался бы фактически как необоснованное затягивание процесса, что не может не провоцировать отказ судов как от обращения в КС, так и от их обязанности применять закон, только соответствующий Конституции.

Хотелось бы согласиться с достаточно оптимистическим убеждением диссертанта, который, рассматривая вопрос о предмете нормоконтроля в конституционном судопроизводстве, полагает, что полномочие КС, принимая решение по делу, оценивать закон, исходя как из его буквального смысла, так и из смысла, придаваемого ему официальным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой (статья 74 ФКЗ о КС), позволяет Конституционному Суду исключать из правового регулирования также неконституционные положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ (с.197) Вывод подтвержден теоретическим посылом и практикой, согласно которым «в случае признания неконституционным положения закона толкующее его постановление Пленума Верховного Суда также будет скорректировано», что сопровождается перечнем соответствующих

постановлений КС и ВС, представляющим научный и практический интерес (с.198-199).

Однако эта позиция не учитывает некоторых реалий. Практика Верховного Суда обнаруживает и такие постановления, которые содержат не только конкретизирующие или разъясняющие закон положения, но, по сути, и новые нормы. Они являются для судов обязательными, т.к. их несоблюдение чревато отменой судебных актов. Эти положения – в отличие от всех других нормативных предписаний - не могут быть ни обжалованы, ни проверены по содержанию. Фактически это нарушает право на судебную защиту и обжалование любых действий и решений органов и представителей власти. Предложенный диссертантом подход мог бы решить вопрос с проверкой постановлений Пленума ВС при условии, что они действительно носили бы подзаконный или чисто рекомендательный характер. Их обязательность и выход по содержанию за пределы законодательного регулирования лишают КС возможности их проверки - как актов толкования - вместе с законом. Кроме того, такая проверка, выявившая, расхождение их смысла с конституционным истолкованием закона, не может приводить к утрате ими юридической силы. Между тем, если судами часто не исполняются даже решения КС о пересмотре основанных на неконституционных нормах судебных актов по конкретным делам заявителей, то тем более нельзя рассчитывать на исправление по не предусмотренным законом основаниям постановлений Пленума ВС. Между тем, например, применительно к уголовным делам такие постановления до сих пор содержат положения, существенно противоречащие конституционным и международно-правовым принципам. Например, отношении незаконного занятия предпринимательской деятельностью, криминализация которого обусловлена получением дохода в крупном размере, Постановление Пленума Верховного Суда рекомендует определять этот размер, не исключая из него произведенные затраты, а при привлечении к ответственности за разбой с таким предусмотренным статьей УК квалифицирующим признаком, как смерть потерпевшего, вменять обвиняемому наряду с этим составом преступления убийство, сопряженное с разбоем – хотя признаки этих составов совпадают. В работе подчеркивается, что интерес заявителей к таким актам ВС сравнительно невысок и только 1,5 % рассмотренных обращений по вопросам уголовной юстиции содержали требования о проверке их конституционности. Но отсутствие ясных позиций

по поводу наличия у КС такой компетенции не может не порождать такое положение.

В диссертации автор использует созданную им самим систему понятий, что естественно в связи с новизной исследования и позволило осуществить достаточно развернутую и объективно полную классификацию форм взаимосвязи уголовного и конституционного судопроизводства. Вместе с тем в ряде случаев употребляемая в этих целях терминология является чисто условной, сама по себе не позволяет адекватно определить содержание понятий, которые, как и должно быть, лучше раскрываются автором описательно, а иногда звучит неоднозначно. Например, автор пишет о «конституционном дефекте» норм, хотя было бы понятней говорить о дефектах их конституционности; нормативно-толковательная и нормативно-корректирующая форма взаимосвязи, по идее исследователя, означают не общеобязательность толкования и коррекции, а указывают на норму как их предмет; в работе выделены формы взаимосвязи двух видов судопроизводства, например, конституционно-иницирующие (речь, однако, не о конституционности инициирования, что можно было бы предположить), уголовно-приостановительные, уголовно-ревизионные, уголовно-возобновительные (хотя точнее было бы употребление вместо краткой формы от прилагательного «уголовный» термина «процессуальные») - представляется, что первые части этих составных терминов не могут претендовать на точность и однозначность. Верно, что в автореферате, перечисляя эти виды, автор уже старается уйти от таких, в определенной степени, двусмысленных характеристик.

Конечно, можно было бы не обращать внимания ни на такие редакционные погрешности, ни на некоторые сформулированные в отзыве дискуссионные замечания. Но представляется, что проведенное исследование открывает возможности дальнейших разработок в парадигме как тематики, посвященной формам взаимосвязи разных видов судопроизводства, так и общей теоретической концепции судебного права, что не может, кроме всего прочего, не вызывать необходимость оттачивания аппарата и техники научного юридического анализа.

Перспективы возможных будущих исследований автора просматриваются и в основательных авторских приложениях к диссертации, содержащих, кроме обобщения результатов исследования, планы

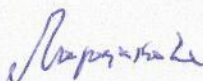
дальнейшей научной разработки правового комплекса институтов судебного права и дающих основу для будущего анализа материалов собранной автором судебной практики, -статистических и социологических данных.

Изложенные критические соображения не умаляют высокой оценки содержания и результатов, проведенного Т.В.Соколовым межотраслевого диссертационного исследования, отличающегося не только новизной, но и скрупулезностью, обнаруживающего серьезный творческий потенциал автора – **диссертант, несомненно, заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата юридических наук.**

Автореферат диссертации и опубликованные диссертантом работы адекватно и полно отражают содержание диссертации. Проведенное исследование соответствует научным специальностям 12.00.02 и 12.00.09 (согласно классификации научных юридических дисциплин).

Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, зав. кафедрой судебной власти и организации правосудия ф-та права ГНИУ-ВШЭ, доктор юридических наук, профессор

Т.Г. Морщакова

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛА
ЗАМ, НАЧ, ОТДЕЛА
РАБОТЫ С НПС
ТИХОНОВА

12.09

